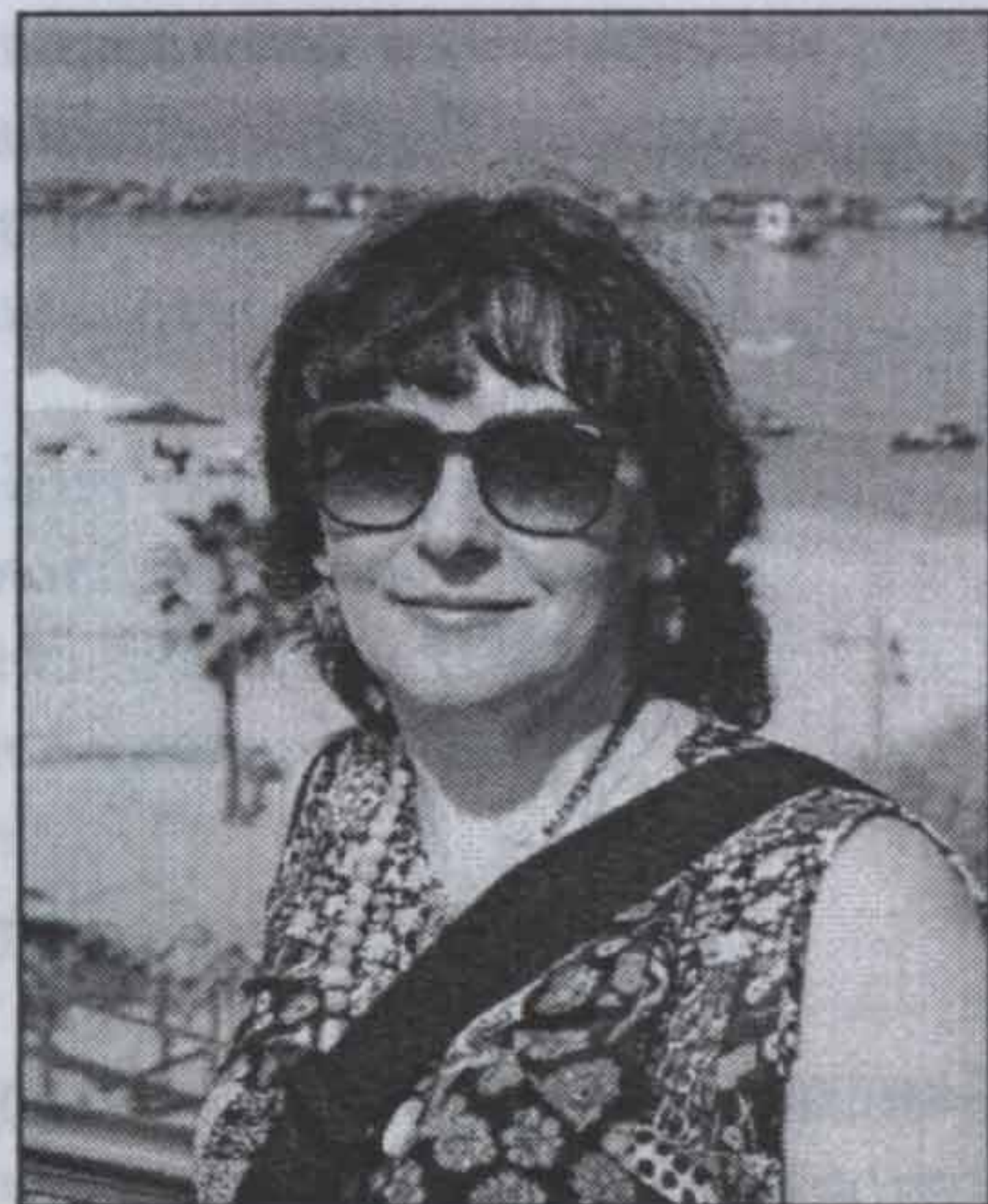

Нина Дьякова

Нина Николаевна Дьякова родилась в селе Долдыкан Бурейского района Амурской области. Окончила Благовещенский пединститут, историко-филологический факультет. Работала в областном краеведческом музее, в управлении культуры областной администрации. Заведует литературной частью Амурского театра драмы. Член Союза писателей России. Автор пяти книг стихотворений и книги документальной прозы. Дважды лауреат Амурской премии в области литературы и искусства — за книгу стихотворений «Красоднев» и пьесу «Река любви».

Провинциальный шок

Записки из Дома творчества писателей

...А в речке Сетунь живут русалки. Я видела с моста их зелёные волосы, которые расчёсывает потоком воды река. Русалкам там, наверное, тесно: река в здешних местах неширокая и очень мелкая, да и водица прозрачностью не отличается. Но русалки в Сетуни живут — точно...

...Писатель Юрий Могутин хорошо знал Мишу Вишнякова. Они не случайно в этом странном мире встречались. Стихи у Могутина очень непростые. А у Вишнякова? Тоже ведь под общую гребёнку не причесать...

Вот и сошлись эти двое лет сто тому назад, попивали портвейн «Три семёрки» и стихи друг другу читали, им же не надо было ничего объяснять про своё чудное дело — писательское. И вопросов глупых про влияние муз и бабушкины корни никто не задавал...

Миши уже нет... Подозреваю, что он ушёл в эти же дни прошлого лета. Иначе почему мы с Могутиним горячо, ненасытно говорили о нём и не могли никак наговориться? Да просто он сейчас где-то рядом с нами. Здесь, в нашем Переделкине...

*Ничего нет больше — вскрывать пожелтевшие письма,
Словно раны вскрывать — беспощадно, отчаянно, зло.
И скрежещет конверт, что твоею рукою подписан,
И горчит святотатством письмо, что так долго не шло.*

*Получить бы мне это твоё дорогое посланье
Не теперь, через годы, а в тот шептливый апрель,
И счастливо прочесть драгоценные строчки-признанья,
И принять перемены сквозь пение птиц и капель...*

*...Только это письмо было многие годы безвестным.
В нём спешишь рассказать мне, что душу твою бередит,
В нём меня называешь любимой своей и невестой,
А ещё говоришь, как прекрасна вся жизнь впереди...*

*Не отвечу тебе никогда, дорогой отправитель...
Торопливо блокнотный листок не заклею в конверт.
И подумаю: старые письма вскрывать не спешите,
Если некому стало писать запоздалый ответ...*

...Мне тревожно: как там — дома — мой возвращенец?

*Опять начало декабря
У нас с тобой.
В снегу рябины прогорят,
Уймётся боль,
А где-то в памяти у нас
Взметнётся ночь:
Нам каждый миг её и час
Не перемочь.
Не выжечь снегу,
Не стереть
Огнём свечи...
Ах, как бы это — умереть
В такой ночи?!
Где блики предрассветных лун
В глазах окон,
Где чистый снег беспечно юн —
На мой балкон!
Где сумеречный вкус вина,
И хруст плодов...
И терпко дышит тишина
Сквозь тьму годов.*

...Разобраться в том, что произошло у нас, накануне моего отпуска как-то не вышло. Не уверена в чистоте его подвига — он пришёл, а я не верю. Он рядом, а мне чудится что-то... несусветное. И это когда рядом! Сейчас-то между нами почти восемь тыщ вёрст!

«Эсэмэсит», что на рыбалке, а где он на самом деле — бог весть. Дома-то была бы — не стала бы спрашивать, а уж так — и вовсе...

Сложна и увёртлива жизнь! Чем содержательнее и талантливее человек, тем судьба заковыристей...

*Я любила — ты молчал,
Разлюбила — всполошился.
Даже позвонить решился
И приехал невзначай.
Так бывает, что едва
Сердце раны залатает —*

*Всё теряет очертанья
И кружится голова.*

*Зеркала разбиты всклень,
И снегами мир спелёнут,
Но передо мной зелёный
С горизонтом слился день.*

*Я и знала, что права,
Но от этого не легче,
Потому что выйдет нечет,
Если два делить на два...*

...И он ушёл в свой полынный рай — человек с горьким осадком в сердце и с великой жаждою любить... А ведь ему уже (или — ещё?) семьдесят два года!

Грозит слепота, он её страшится, не приемлет, не может принять как некую данность! Он для такого слишком жизнелюбив и мощен, этот Юрий Могутин.

...За обеденным столом у нас численность зрелых дам весьма неожиданно возросла.

К восьмидесятилетней Лилиане (Бреверн да ещё с приставкой «фон»!) вчера добавилась Екатерина Короткова-Гроссман (переводчица и дочь маститого Василия Гроссмана), а сегодня материализовались ещё две — Ольга Забелина и Нелли. Возраст не определить, да и мне оно ни к чему. Смешные, забавные тётеньки, москвички, да ладно, коли во втором хотя бы поколении...

Посудачили о наступившем в Переделкине грехопадении по части удобств, питания и обслуживания. Да — по всему...

Я припомнила крахмальные салфетки и недельное меню, в котором можно было найти для себя приемлемую еду каждому на свой каприз.

Меню — ерунда! А вот салфеток жаль. Вместо них на столе перед каждым угнездились подозрительно отдающие китайским рынком в Хэйхэ общепитовские пластиковые (или клеёнчатые?) подмётки химического происхождения.

Особенно унизителен компот в стограммовых пластмассовых, очень хлипких, стаканчиках. Мой протест такому компоту выражался в приносимой из комнаты к обеду любимой кружке с деколью из восточных мотивов. Кружку приносила не для компота. Для чая.

Словом, писателям — столовка. Ничего, пережить можно, если бы не...

...Это всё слишком контрастирует с изысканностью интерьера, посуды и совершенством поварских шедевров в ресторане «Дети Солнца», очень солидно расположившемся над столовкой писателей. По странному стечению обстоятельств в том белом ресторане мы «скромно втроём» (брат, его жена и я) давеча обедали — отмечали сорокапятилетие брата Андрея, прилетевшего на короткий передых в столицу из Владивостока.

Этих «владивостокских» удивить чем-нибудь трудно. Цены до небес, ресторан — как белый пароход...

Однако моему не бедному брату, серьёзному руководителю и технарю до мозга костей, чувствительно было одно: неужели же он, малиновский парнишка, каким-то чудом чудесным оказался в Том Самом Переделкине... Из книжки о Чуковском, которую читала ему старшая сестра, чтоб отвлечь от прохиндейских забав, в изобилии изобретаемых соседскими пацанами.

Старшая сестра — я, конечно...

*Я умру, когда август
Отшелестит звездопадом
И кипрей отпышет
В заброшенном старом дворе.
Надо мной не рыдайте,
Жалеть меня тоже не надо —
Без обиды на жизнь
Я уйду по хорошей поре.*

*Будет утро весёлым,
А к вечеру дождик прольётся,
Лишь бы близкие знали —
Непросто одной уходить...
Но потом будет снова
На небе огромное солнце,
Чтобы взрослые внуки
Рябину пришли посадить.*

Ночью в ресторане «Дети Солнца» гремела и надрывалась всеми фибрами неистощимого кошелька папочек-олигархов свадьба с фейерверком, пусканием горящего шара в небеса, истошными криками и свистом.

Словно в насмешку, народ богатенький демонстрировал свой низменный духовный уровень и отчаянный культурный минимализм.

Демонстрировал писателям, этой литературной русскоязычной элите из разных российских городов, и при этом нисколько не смущался.

Всё это похоже на вызов.

Впрочем, вся счастливая свадебная компания, возможно, и не подозревает, сколь вызывающе и вульгарно выглядит разгульное действо именно здесь, в намоленном и энергетически плотном космосе Переделкина.

Что свято???

...Заходил Юрий Могутин, показывал фотоснимки, где он в Чите, а рядом — молодой и такой серьёзный Михаил Вишняков, художник Пинегин, друзья из редакции «Комсомольца Забайкалья».

...Угловатый сын Могутина, Глеб, удивительно похож на того, совсем юного, с читинской фотки, Юру, которого, поди, уже тогда не иначе, как Николаичем, величали. Сегодня ему за семьдесят, и сын называет его, седого, бородатого и слабовидящего, почему-то Юрой.

Я уеду в свой благословенный город к своим любимым... Могутин — прекрасный и ужасно бездомный российский поэт с хрустальной душой и светлыми помыслами, но с какой-то генетически заложенной несуразностью в простейших житейских проявлениях — останется в этом разрушающемся писательском ковчеге... Тосковать? Жить в ожидании чуда?

Сколько таких по матушке России?

ОСЕННИЙ БЛЮЗ

*Не бросилась дверь открыть...
С губ срывается ложь,
Слова, как иглы, остры.
Как без меня проживёшь?*

*Выпроводить врага?
Полно! Ты ли со мной?
Скоро лягут снега,
В сердце придёт покой.*

*Грянет в дом тишина,
Вдрызг разбив сапоги.
Шепчется с ней луна:
Сговора берегись!*

*Я на стук — босиком,
Следом за мною шаль...
«Отопри! Отопри!» —
Что так звенит в ушах...*

...Лилиана Иоганнес-Эдуардовна читала мне совершенно изумительные записки, которые я бы определила как ностальгический детектив. Или сага о Бревернах.

Замечательное чувство слова, ясность мысли и безупречный стиль, уже не говоря о занимательном — ни капли вымысла! — сюжете, в котором причудливо перемешались события восьмидесятилетней жизни автора и более чем трёхсотлетней судьбы рода Бревернов российского масштаба.

Такие истории сегодня совершенно необходимы россиянам, истосковавшимся по правдивым и прекрасным историям, ярким и высоконравственным. И — живым!

*Чёрный кофе горчит,
Снова спать не придётся нисколько.
Засыпает луна
В золотистой листве тополей —
Тихо тонет в ночи,
Словно старая белая лодка,*

*В чёрных волнах речных
В чёрном кофе — остатками сна.*

*Звёздный невод повис
Над бессонницей и надо мною,
Предраассветная птица
Не скоро зарю прокричит...
Белолунную лодку
Накрыло волной вороною
Это всё чёрный кофе,
Это всё чёрный кофе горчит*

...Дина Маркова поёт песни в холле у балкона. Добрая и бесшабашная эта Дина, однако — несомненно, с шармом, который идёт от природной одарённости. Здесь вообще одарённость естественна, как зелёные водоросли в Сетуни.

По заведенному бог знает когда и кем ходу жизни в писательском Доме то и дело появляются коробейники. На сей раз неподалёку от входа в столовую расположился ювелир. Покупают, не покупают — не это важно. Общение — вот что дорогого стоит...

Дина примеряет серебряные кольца, к уху серёжки прикладывает, выбирает то одно, то другое, приценивается, торгуется:

— Вот — мелковато... Это пошлое, как влюблённая профурсетка... Это? О! Это просто невозможно красиво. Неприлично! Нет-нет!.. Ну красиво же?! И во что оно упёрлось? (Речь уже о цене).

Переделкино, Переделкино... Что-то лопнуло и не срастается здесь. Такое ощущение не у меня одной — у всех писателей, кому дано от Господа глубинное (так и хочется рыкнуть, что звериное) чутьё...

Неужто всё? Прощание...

*Я напишу когда-нибудь о том,
О чём давно и сладостно молчит.
Я напишу. Мне только б научиться
Не выбегать на ветер без пальто...*

*Я напишу, я правда напишу.
Уж если по ночам опять летаю,
Края линялых парусов латаю
И не забыла галечника шум,*

*Когда волна бросается на мол,
И, разлетаясь в миллионы радуг,
Рождает ослепительную радость
И отражает миллионы солнц.*

*Я напишу когда-нибудь, клянусь!
Как трудно слово привыкает к слову,*

*А там — посмотришь — и строка готова,
А там — глядишь — и к рифме подберусь.*

*Сорвётся с крыш горластая весна,
В мелодию собьёт тугие ритмы.
И в сердце, обновлённом и открытом,
Шагами отзовется тишина.*

...За живописной территорией Дома творчества, через дорогу, — высокие глухие заборы вдоль трассы. За ними громоздятся тупые, без затей даже, самодовольные особняки, зачем-то выстроенные в этом золотом уголке некогда великой страны.

Раньше здесь было поле. Воспетое многожды Борисом Пастернаком. Просто — поле... Широкое. С цветами и ковылём. С ароматом зноя и какого-то детского, подмивающего сердце счастья... До реально ощутимых крыльев прорастающих.

...Пройдёшь по затенённой дорожке к пастернаковской даче-усадьбе. Воды в роднике наберёшь, напьёшься сполна великого и чистого воздуха, духом крепче сделаешься... Священное было, духовное место. Было. Я его ещё застала. Мне повезло???

Теперь на бывшем поле стоят чьи-то дома, похожие на крепости. Новая недвижимость... Да уж! Не сдвинешь никак. Бетона много.

И храма совсем стало не видно за ними. Он там, на взгорье. А раньше — захватывало дух от чудесного видения: через поле — лес, старинное кладбище, золотые купола церкви, резные башенки резиденции православного Патриарха... Поля нет?! Как же дальше жить?

...Родник за дачей Пастернака ещё журчит, но нет уже той благостной, чистой — лесом и полем — дороги к нему. Путь ведёт мимо каких-то новостроек и гаражей, заборов и мусорных куч. Пóлно, да живая ли, целебная ли теперь эта вода?

И где теперь для нынешних поэтов «назначат» русское поле, столь ярко и прекрасно воспетое и так любимое Борисом Пастернаком?

И назначают ли?

Ведь нынешние власти того поля не застали... А тех, кому повезло, как мне, скоро уж и не останется на этой земле.

...А в речке Сетунь живут русалки.

Переделкино.

Июль 2009 года. Дом творчества писателей.